

Г.В.Федюнева (Сыктывкар)

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА КОМИ МЕСТОИМЕНИЙ

О сложной и противоречивой природе местоимения написано немало, однако его грамматический статус как части речи до сих пор не определен. На наш взгляд, это объясняется недостаточным вниманием к семантической структуре местоимений. В большинстве грамматических исследований местоимению отводится роль второстепенного разряда слов, выделяемых по функции указательности и заместительности. В поле зрения исследователей прежде всего попадали формальные характеристики местоимений, в значительной степени определяемые грамматикой замещаемых ими знаменательных слов, хотя общеизвестно, что местоимения как лексико-грамматический разряд выделяются именно по общности семантики, независимо от грамматических свойств, поскольку

морфология местоимений представляет собой как бы зеркальное отражение системы основных частей речи и не имеет внутреннего единства (Федюнева 1990).

Семантическая структура местоимений значительно отличается от семантики основных знаменательных частей речи. Местоимения не связаны непосредственно с миром конкретных вещей. Они ничего не называют и не определяют, а существуют как специальные организаторы грамматических смыслов языка. Местоимения отличаются от всех других частей речи прежде всего своей общеязыковой функцией; их значения относятся к области грамматической семантики. Как специфический лексико-грамматический разряд местоимение объединяет слова, содержанием которых являются наиболее общие категории и глобальные понятия о реалиях окружающего мира: *кодi* 'кто', *мый* 'что', *кутшiом* 'какой', *кодлiн* 'чей', *кымын* 'сколько', *кiнi* 'где', *кор* 'когда', *кытчi* 'куда', *мыйла* 'почему' и т.д. Они имеют максимально общие значения, которые являются своего рода аккумуляторами множества типовых конкретных языковых значений (*кутшiом* 'какой': *ыджыд* 'большой', *мысьтiом* 'безобразный', *еджыд* 'белый', *йiктысь* 'пляшущий' и т.д.; *кодлiн* 'чей': *миян* 'наш', *батылiн* 'отцов', *карса* 'городской', *каньлiн* 'кошачий' и т.д.; *кодi* 'кто': *ур* 'белка', *пон* 'собака', *веськiдлысь* 'управляющий', *ва туй индысь* 'лоцман' и т.д.). Местоимения являются смысловой категорией языка, которая объединяет все языковые уровни, регулируя их семантические и функциональные взаимосвязи (Белоусова 1995; Шведова 1999; Шведова 1995). Семантика местоимений определяется только их связью с другими словами, вне контекста же они полностью освобождены от конкретно-лексического содержания, модальных, оценочных и др. значений (ср. *кодi* 'кто', *мыйла* 'почему, зачем', *кытчi* 'куда', *кор* 'когда' и т.д.). Местоимения можно представить в виде пустых форм, содержащих лишь самое общее указание на самые общие языковые смыслы (шире - логические категории), которыми оперирует в своей познавательной деятельности человек: общее указание на предмет (живой/неживой), абстрактный признак, принадлежность, место, время, цель, причина, способ и т.д. При этом местоимения организуются в специальную систему по степени известности/неизвестности объекта познания, который может быть хорошо известен (понятен), недостаточно известен (понятен), неизвестен (непонятен) или вовсе отсутствует. В зависимости от этого выделяются местоимения утверждения, неопределенности и общего отрицания, ср. например, *кутшiом* 'какой': *татшiом* 'такой' - *кутшiомкi* 'какой-то' - *некутшiом* 'никакой'; *кодлiн* 'чей': *менам* 'мой', *тэнад* 'твой', *сылiн* 'его'

и т.д. - *кодлӧнкӧ* 'чей-то' - *некодлӧн* 'ничей'; *кымын* 'сколько': *та мында* 'столько' - *кымынкӧ* 'сколько-то' - *никымын* 'нисколько'; *кӧні* 'где': *тані* 'здесь', *сэні* 'там' и т.д. - *кӧнкӧ* 'где-то' - *некӧн* 'нигде'; *кор* 'когда': *эки* 'тогда' - *коркӧ* 'когда-то' - *некор* 'никогда'; *кытчӧ* 'куда': *татчӧ* 'сюда', *этчӧ* 'туда' и т.д. - *кытчӧкӧ* 'куда-то' - *некытчӧ* 'никуда'; *мыйла* 'почему': *сыла* 'поэтому' - *мыйлакӧ* 'почему-то' - *нинӧмла* 'нипочему' и т.д. При этом ступень известности (познанности) по понятным причинам может быть выражена целым рядом форм, тогда как ступени неопределенности и отрицания выражаются, как правило, одной грамматической формой.

Кроме функции выражения глобальных грамматических смыслов, сущностной чертой местоимения является способность одновременно отражать множество конкретных реалий. Эта особенность семантики местоимения находит непосредственное отражение и в его функционировании. В конкретно-грамматических условиях семантика местоимения уточняется, сужается, приобретает конкретно-лексические значения: *Посводзад петав да вай сэтись ведра ва* 'Выйди в сени и принеси *оттуда* (т.е. из сеней) ведро воды'.

В отечественном языкознании традиционной является семантическая классификация местоимений, предполагающая выделение групп личных, указательных, вопросительных, неопределенных, отрицательных и т.д. местоимений. Однако такая классификация не вполне адекватно отражает реальную семантику местоимений. Во-первых, эта семантическая классификация накладывается на все грамматические разряды местоимений, модифицируясь в каждом из них (например, отрицательные местоимения-существительные *некод* 'никто' и *нинӧм* 'ничто' кроме общего отрицания не имеют точек соприкосновения с семантикой отрицательных местоимений-наречий *некӧн* 'нигде' и *некор* 'никогда' и т.д.). Во-вторых, семантика местоимений недостаточно хорошо исследована, и при ближайшем рассмотрении становится ясно, что ни одно местоимение не имеет устойчивой семантики, а напротив, демонстрирует совмещение значений разных разрядов. Например, личные местоимения 1 и 2-го лица *ме*, *тэ*, *ми*, *ті* и особенно личные местоимения 3-го лица являются в то же время указательными (*Ме мыжа?* - *Тэ* 'Я виноват? - Ты.'). Местоимение *кодлӧн* 'чей', кроме вопросительности, содержит значение притяжательности. Неопределенные местоимения *кодлӧнкӧ* 'чей-то', *кодлыськӧ* 'у кого-то', *кодсянькӧ* 'от кого-то' и т.д. могут быть отнесены к разряду неопределенно-притяжательных, а контекстуально и вполне

определенных (*Кодсюрёлён по сьём колыштёма* 'А кое у кого (знаем у кого!), говорят, денежки остались'. *Кодкё кёсийсьлис мяннёс чайён юктёдны?!* 'Кто-то собирался нас чаем угостить?!'). Местоимения *тадзтё* 'так-то', *сідзсё* 'так' могут быть определены как указательно-уточнительные, а в контексте *сідзсё позьё?* 'так можно?' как вопросительные, *тадзитё тэнад нинём оз артмы* 'так у тебя ничего не получится' как утвердительно-указательные и т.д.

Слишком общая семантика местоимений является причиной внутреннего расслоения слова. Синкретизм значений и развитая внутренняя полисемия определяют полифункциональность местоимения в языковой системе, позволяют в каждом конкретном случае его использования проявлять разные контекстуальные значения и варианты значений. Возьмем для примера местоимение *кутиёмкё* с инвариантным значением 'какой-то (неопределенный)'. Оно может обозначать: а) неизвестный вообще, любой: *Кувнитас кутиёмкё кыйсьысьлён пицальыс...* (Г.Фёдоров) 'Бабахнет какого-нибудь охотника ружье...'; б) безразлично какой: *Босьт кутиёмкё книга да лыдды...* 'Возьми какую-нибудь книгу и читай'; в) известный, но не вполне: *Письмёсё вайис кутиёмкё том морт* 'Письмо принес какой-то молодой человек'; г) известный в какой-то степени, предполагаемый: *Колё кутиёмкё пöрядок лоны* (Б.Шахов) 'Должен быть какой-то порядок'; д) неизвестного происхождения: *Локтис батъ, вылас кутиёмкё важ пась* 'Пришел отец, на нем какой-то старый полушубок'; е) незначительный: *Кутийёмкё кызь вит шайт и колё* 'Каких-нибудь двадцать пять рублей и надо'; ж) неопределенный вообще: *Тэ ёртасин Ванякөд? — Эг, сийö кутиёмкё...* 'Ты подружился с Ваней? — Нет, он какой-то...'; з) определенный, но не объяснимый: *Сьёлöмын ыпнитис кутиёмкё би* 'В сердце вспыхнул какой-то огонь'; и) похожий, напоминающий: *Кутийёмкё гид, а абу оланін* 'Какой-то хлев, а не жилое помещение'; к) не заслуживающий внимания (неодобрительно): *Кутийёмкё зырымбедь кутас менö велёдны?!* 'Какой-то сопляк будет меня учить?!' и др.

Местоимения обладают информационной емкостью, изменчивостью и незакрепленностью смысловых нюансов. Способность к зеркальному отражению значений конкретных назывных слов обеспечивает им гибкое функционирование в языковой системе. Они замещают конкретные слова, выступая в их грамматическом облике в роли "знаков знаков", или вторичных знаков. При этом синкретизм семантики местоимений проявляется в том, что часто морфологические значения суффиксов заменяемых частей речи как бы нейтрализуются

в размытой семантике местоимений, становятся неактуальными, например, если говорящему неизвестно (или неважно), о каком конкретном предмете идет речь (или о любом предмете вообще), то неактуально, выступает ли этот предмет в единственном или во множественном числе, принадлежит ли он кому-либо или нет, имеет ли он какие-то реальные характеристики и т.д. Поэтому в предложениях *Мыйсё сӧмын сійӧ эз аддзыв!* ‘Чего только он там не видел!’ и *Мый-яссё сӧмын сійӧ эз аддзыв!* ‘Чего (во множественном числе) только он там не видел!’ наличие или отсутствие суффикса множественного числа имеет чисто эмфатическую функцию. Это дает широкую базу для развития формальной вариативности местоимений (Федунева 2000).

Превалирование семантики над грамматикой у местоимений выражается во внутренней омонимии грамматических форм, размытости грамматических (в том числе частеречных) значений, например: *Мый могысь тайӧс вӧчын?* ‘С какой целью ты это сделал?’, *Но мый тэ?* ‘Ну что ты?’, *Мый сӧмын он вӧч челядь вӧсна!* ‘Чего только не сделаешь ради детей!’ Обычным для разряда местоимений является использование одних форм в значении других: *сійӧ тӧдӧ* ‘он знает’ и *сійӧ керкаас* ‘в его доме’; *мыйта сулатӧ?* ‘сколько стоит?’ и *мыйта йӧз висины!* ‘сколько людей загубили!’ и т.д. Сравните также собственно омонимы: *босьтны некӧн* ‘взять негде’ и *некӧн абу* ‘нигде нет’; *некор вӧчны* ‘некогда сделать’ и *некор эз аддзыв* ‘никогда не видел’ и др.: *мыйла сэтчӧ мунан?* – няньла и *мыйла сэтчӧ мунан?* – *аддзысьлыны ёрткӧд* ‘зачем ты туда идешь? – за хлебом (за конкретным предметом)’ и ‘зачем ты туда идешь? – увидеться с другом (с определенной целью)’.

Принадлежность местоимений к семантическому, а не к грамматическому классу проявляется также в синтаксисе, например, в возможности вариативного согласования подлежащего, выраженного местоимением, со сказуемым как в единственном, так и во множественном числе (*Код-сюрӧ серӧктӧ* и *Кодсюрӧ серӧктӧны* ‘Кое-кто засмеялся и Кое-кто засмеялись’, в падежном управлении, отличном от управления существительного, в возможности соединяться сочинительными союзами в качестве однородных, но разных по функции членов (например, *кор и кытысь тэ аддзылӧн татийӧмсӧ?* ‘когда и где ты видел такое?’, ср. невозможность соединения существительных **талун и керкаысь ме аддзылӧ*, ‘сегодня и в доме я видел...’); *кодӧи кор* *вермас вӧчны тайӧс?* ‘кто и когда сможет сделать это?’, – *бать* и *аски* ‘отец и завтра’. Особенности местоименного синтаксиса ждут более глубоких исследований.

Морфологическая семантика местоимений может совсем утрачиваться, а сама форма транспонироваться в разряд служебных слов. Этот факт лишний раз подтверждает общепринятый тезис, что местоимение является “особой второй микросистемой частей речи, параллельной основной и с известными особенностями повторяющей первую” (Ермакова 1989 : 147). Кроме того, что местоимения соотносятся со всеми знаменательными частями речи (в том числе и с глаголами), имеется прямая связь местоимений со служебными словами, которая выражается в их функционировании в роли частиц, союзных и модальных слов. При этом они утрачивают значения заместительности и указательности, главной становится функция текстообразования. Местоимения, выступая в роли служебных слов, получают широкий спектр модальных, субъективно-оценочных значений, переходят в разряд экспрессивной лексики. Например, *Кыськõ тай эмось!* ‘Есть же такие (букв. Откуда-то есть же)!’, *Сэки мõдног сёрнитам!* ‘Тогда поговорим подружому!’, *Кыдзи он тõд?!* ‘Как не знаешь (это невозможно!)?’, *Ме сэтчõ тõкõтьõ эг усь!* ‘Я чуть не упал (от этих слов) (букв. Я туда чуть не упал!’, *Тэ тані абу прав!* ‘Ты здесь (в этом вопросе) не прав!’, *Тайõ мыйкõ абу тадз!* ‘Здесь что-то не так’; *Ручтõ кыйин эн?* — *Кысь!* ‘Поймал лису-то? — Где там!’ и др. Полная утрата лексических значений и переход в разряд служебных слов не наблюдается в группах знаменательных слов, поскольку их семантика тесно связана с конкретно-предметным миром. В отличие от грамматической семантики местоимений лексическое значение их устойчиво.

Морфологическая семантика коми местоимений практически не исследована: имеются лишь отдельные работы, преимущественно обучающие грамматики, в которых значения местоимений представлены в виде набора традиционно выделяемых семантических групп. Однако, как видно из вышеизложенного, семантическая структура местоимений значительно сложнее и значимее для смысловой организации языка. Семантически местоимение организовано таким образом, что может аккумулировать в себе несколько уровней языковых значений. Можно выделить следующие функционально-семантические типы грамматических значений: 1. Выражение самых общих, глобальных понятий и языковых смыслов, которые проявляются на всей грамматической структуре языка, являются смыслоорганизующими началами; 2. Выражение конкретно-лексических значений, которыми местоимения «наполняются» в рамках конкретного контекста, соотносясь с заменяемыми ими словами; 3. Выражение только модальных, субъективно-оценочных значений при пол-

ной утрате функций смыслообразования, указательности и заместительности. При этом особенностью местоимений является то, что в силу нестандартности каждое из них обладает своей собственной семантической структурой. Очевидно также, что изложенное о коми местоимении является языковой универсалией, поскольку имеет место в языках различных типов.

Белоусова 1995 - Белоусова А.С. К вопросу о семантической классификации местоименных слов // Филологический сборник (К 100-летию В.В.Виноградова). М., 1995. С.47-53.

Ермакова 1989 – Ермакова О.П. Семантика, грамматика и стилистическая дифференциация местоимений // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект (Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика). М., 1989. С. 146-158.

Федюнева 1990 - Федюнева Г.В. Местоимения и числительные (опыт новой интерпретации в свете создания научной грамматики коми языка). Сыктывкар, 1990. 59 с.

Федюнева 2000 - Федюнева Г.В. Коми местоимение: к проблеме формального варьирования в языке. Сыктывкар, 2000. 76 с.

Шведова 1999 - Шведова Н.Д. Местоимение и смысл. М., 1999.

Шведова 1995 - Шведова Н.Д., Белоусова А.С. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий. М., 1995. 122 с.